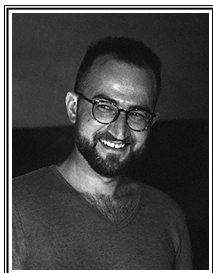

ОТЗВУКИ СОБЫТИЙ

Егор ДОРОЖКИН

Старший преподаватель кафедры философии и эстетики.
Нижегородская государственная консерватория им. М.И. Глинки.
603005, Нижний Новгород, ул. Пискунова, д. 40;
e-mail: egor.dorozhkin.1453@gmail.com

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ МЕЖДУ ДЕПРЕССИЕЙ И ПСИХОЗОМ: К АВТОНОМИИ АФФЕКТА

Данная статья имеет целью проблематизировать тему индивидуального психо-эмоционального здоровья современного человека и в связи с этим указать на альтернативное толкование аффекта. Осуществляется это путём рассмотрения проблемы не с точки зрения автономии индивида, а в трансиндивидуальной перспективе, в которой современная распространённость депрессии связывается не с проблемами отдельного страдающего субъекта, а с социокультурной ситуацией, которая этого субъекта производит. Подобная рекурсивность индивида и общества имеет в конечном счёте структурно-семиотический характер, т.е. опосредована репрезентацией. Поэтому выдвигается предположение, что именно аффект как нерепрезентативное способен послужить открытию альтернативных путей в понимании субъективной жизни и выстраивании новых культурных практик.

Ключевые слова: антропоцентризм, будущее, субъективность, индивид, структура, аффект, депрессия, психоз, репрезентация, природа

Сегодня мы оказались в странной ситуации. С одной стороны, в предшествующие полтора столетия многие крупнейшие философские умы стояли на позициях критики антропоцентризма и гуманизма, готовили мышление к новым формациям. Ф. Ницше, М. Хайдеггер, Ж. Делёз – это имена, которые знают все и которые повлияли если не на всех, то уж во всяком случае на достаточное количество акторов культурных процессов. С другой стороны, мы видим, как революционный запал современности, её воля к преодолению самой себя, обычно именуемая модернизмом, будто бы давно иссякла. Проблема прерванной культурной революции, отмены модерна и утраты будущего всё громче заявляет о себе в философской литературе последние три десятилетия – об этом высказывались Ф. Джеймисон [3], С. Жижек, М. Фишер [6], Н. Срничек [5] и многие другие. Складывается впечатление, будто европейское человечество (в широком смысле слова) оказалось травмировано такими неудачными плодами политического модернизма, как тоталитаризм и Вторая мировая война, а затем и некоторыми побочными эффектами так называемого «популярного модернизма»¹, например формированием маргинальных субкультур и новых леворадикальных движений в 1960–70 гг. Эти травмы культурного воображения вместе с нарастанием социально-политических механизмов контроля и безопасности сформировали к XXI в. субъективность настолько паранойальную, что она замерла в тотальной нерешительности. Она готова удерживать всё уже знакомое, невзирая на противоречия, вплоть до того, что таким «уже знакомым» и даже «ностальгичным» стало само будущее. Что угодно, лишь бы не распахнулось «рвущее-режущее время», которое должно было стереть антропоцентризм, как волны смывают песчаные замки на берегу, и освободить человека для некой новой формации. В итоге из свободы гуманистической идеологии, которой он являлся в Новое время, антропоцентризм превратился в консервированный страх. Можно сказать, что сегодня мы продолжаем длить это вечное настоящее испуганного антропоцентризма, установившееся и остановившееся к концу XX в.

И, что показательно, именно с конца XX в. наблюдается рост психических заболеваний, в особенности депрессий и тревожных расстройств, во всех развитых странах [4; 6]. Депрессия, тревожности, панические атаки, суицид – ещё в 2009 г. британский философ и культуролог Марк Фишер опубликовал книгу «Капиталистический реализм» [6], где помимо прочего поставил вопрос о том, можно ли считать эти психические расстройства проблемой индивида. В мире давно существует огромная индустрия психофармакологии и немедикаментозной психотерапии, тонны исследований и грантов, которые заточены именно на работу с индивидом – его нейрохимией, поведением, речью. Однако всему этому не только

¹ В это понятие обычно включают авангардные тенденции в поп-культуре 60–70 гг. (в первую очередь в музыке), формирование субкультур, нетрадиционных духовных течений и формирование низовой активности новых левых.

не удаётся победить депрессию, напротив, количество депрессивных индивидов растёт. Так может проблема не в индивидах, спрашивает Фишер? Возможно, процессы в индивидах являют собой лишь эффекты более широкого общественного поля, самой той парадигмы, в которой мы исторически оказались? В конечном счёте вывод Фишера заключается в том, что современные расстройства – это бессознательная индивидуальная реакция на описанную выше консервацию времени и отмену будущего [6, с. 45–60]. Недаром паническая атака структурно подобна клаустрофобии, чувству того, что ты оказался в ловушке, что тебе нечем дышать [4, с. 138–145]. Настоящее с законсервированным прошлым и будущим и находящимся в центре него субъектом-параноиком, не пропускающим ничего сквозь эти консервированные экраны, и является такой ловушкой. Современный субъект находится либо в депрессивной гипернормализации, либо под угрозой расстройств психотического спектра, так как все формы сознания за пределами этой гипернормализации оказываются не чем иным, как безумием, т.е. тем, с чем невозможна коммуникация. На уровне индивида проблема нерешаема, она трансиндивидуальна.

Тогда встаёт вопрос: если сегодня психическая симптоматика оказывается одним из важнейших маркеров текущей исторической ситуации, тогда как нам мыслить её иначе, не с позиций антропоцентризма и психологизма, формирующих саму эту ситуацию? Первый ответ, который приходит в голову и который собственно даёт Марк Фишер, заключается в том, что мы должны встать на позиции социоцентризма. Теоретически это обосновано в первую очередь левоструктуралистской критикой власти и идеологии, например, у Луи Альтюссера [1] и Мишеля Фуко [7], где демонстрируется, что субъективная жизнь не является чем-то противопоставленным общественно-идеологическому, тем, что идеология пытается уничтожить, превратить в пассивный объект. Напротив, субъект и есть то, через что идеология действует – субъективность сама конституирована силами внешнего. Более широкую общественную известность данная установка получила благодаря феминизму второй волны, взявшему в качестве лозунга формулу «Личное – это политическое». Этот подход действительно помогает иначе взглянуть на ситуацию, открыть в ней закономерности, которые невидимы, если всё сводить к автономии человеческого индивида. Однако проблему это не решает, так как социум (не важно, мыслим мы его через институты, идеологию или язык) является внешним расширением человека, в рекурсивных отношениях с которым индивид и формируется.

Есть ли в таком случае некий третий путь? Можно ли исследовать социопсихические образования современности каким-то дополнительным способом, который, не игнорируя данные индивидуальной симптоматики и её социальной обусловленности, тем не менее открывает современного человека каким-то новым горизонтам и, следовательно, освобождает его? Мне представляется, что между депрессией и психозом антропоцентризма пройти может то, что канадский философ Брайан Массуми в опубликованной

в 2002 г. книге «Притчи о виртуальном» назвал «автономией аффекта» [9, с. 23–45].

Описанная выше ситуация отмены будущего и консервации времени структурирована семиотически – это представления о будущем и прошлом, которые вновь и вновь воспроизводят друг друга. Говорим ли мы о представлении в сознании индивида или о структуре этого представления на социокультурном уровне, в любом случае остаёмся в рамках репрезентации, в рамках социолингвистических конвенциональных конструкций. Аффект же нерепрезентативен, он характеризуется разрывом прямой зависимости между содержанием образов (конвенциональные значения) и их эффектом (интенсивностью) [9, с. 24]. Поэтому он оказывается зазором возможностей в современной ситуации, событийным уровнем, в отличие от структурного уровня, где ничего не происходит. На это, в общем-то, так или иначе уже обращают внимание многие представители философии и искусства. Причём важно отметить, что аффект не является персональной эмоцией, это не артефакт антропоцентризма, а доиндивидуальная интенсивность. Иными словами, это сами процессы смены состояний тела, которые обусловлены множественными внешними взаимодействиями, как актуальными, так и виртуальными, и которые имеют результатом формирование новых эмерджентных уровней. Можно сказать, что аффект оказывается нерепрезентативной, интуитивной системой навигации возможностей в окружающей действительности, незримых для господствующих представлений, постоянно воспроизводящих самих себя.

Стоит сказать, что сам Брайан Массуми является делёзианцем и вообще одним из тех, кто открыл Ж. Делёза широкой англоязычной публике. Однако нет историко-философских оснований утверждать, что теория автономии аффекта это делёзианская теория. Да, сегодня мы преимущественно наблюдаем развитие её делёзианской интерпретации, но в целом это теория романтическая. Романтическая не по формальным признакам созданной в эпоху романтизма образности, а концептуально – в рамках философии романтизма (в первую очередь раннего немецкого романтизма) под влиянием Баруха Спинозы произошло переосмысление понятий аффекта и природы. Переосмысление это было весьма интенсивным, но по большей части фрагментарным и зачастую отражавшимся не столько в теоретических текстах, сколько в художественных произведениях. При таком подходе для полного осмысления и развития собственных интуиций романтизм оказался слишком скоротечным. Однако эти интуиции прошли долгий путь в континентальной философии через Шопенгауэра, Ницше, Бергсона, Хайдеггера и в конечном счёте вплоть до современного делёзианства. Совсем кратко скажем о том, с каким толкованием природы связана эта теория аффекта. Из работ Мартина Хайдеггера [8] и классического исследования Анатолия Валериановича Ахутина [2] мы знаем, что понятие «природа» полисемично и можно выделить две главные её интерпретации – античный «фюсис» и новоевропейская «натура». Романтизм же

закладывает основу для толкования, не сводимого ни к первому, ни ко второму, но произведённому в смеси, в результате критики «натуры» с позиций «фюсис». Это третье толкование можно назвать «поэтическим», в том смысле как «поэзис» концептуализировал в своей онтологии М. Хайдеггер. Природа, понятая таким образом, уже не есть внутренний закон роста индивидуального или внеположенная субъективности объективная механика внешнего мира, а нерепрезентативный (несводимый ни к каким представлениям) и непредметный (несводимый ни к какому объекту или группе объектов) событийный горизонт, из которого приходит онтологический смысл. Когда у Новалиса речь идёт о снах и внутренних переживаниях героя, это не сентиментальное декорирование повествования эмоциями, напротив, эти страсти, маркируют нечто подлинное, движение самой природы, вопреки инертным представлениям. Когда М. Хайдеггер пишет о настроениях, он не впадает в психологизм, а говорит о способах раскрытия бытия не данных предметно. Когда Ж. Делёз пишет о шизофрении, его интересует не клиническое состояние индивида из психиатрии, а опыт самого Реального.

Таким образом, автономия аффекта не является экстравагантной теорией в рамках современного делёзианства, а представляет собой часть большого историко-философского процесса. Эта концептуальная оптика может позволить не запирать интерпретацию субъективного опыта в индивидуальные депрессию или психоз, как это происходит в антропоцентристских установках, и в то же самое время избежать социоцентризма, когда семья, язык и идеология оказываются такой же индивидуальной ловушкой, просто большего масштаба. Если совсем кратко – автономия аффекта освобождает индивида от собственной конечности и вновь открывает его беспредельному. Не впервые в истории, но по-новому. Если теория с большой буквы не окажется способной на это, то шатание современной субъективности между депрессией гиперномализации и психотическим прерыванием коммуникации, вероятнее всего, приведёт к усилению неореакции и религиозного фундаментализма, которые тоже по-своему дают ответы на современную тревожность. Эти тенденции уже стали явными в последние десятилетия и являются не меньшим вызовом нашей мысли, чем угрозы формирования обществ технологического контроля и нарастающего экологического коллапса.

Список литературы

1. *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства // НЗ. 2011. № 3 (77). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyj_zapas/77_nz_3_2011/article/18605/ (дата обращения: 31.10.2021).
2. *Ахутин А.В.* Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). М.: Наука, 1988. 208 с.

3. *Джеймисон Ф.* Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 186 с.
4. *Смулянский А.* Желание одержимого: невроз навязчивости в лакановской теории. СПб.: Алетейя, 2016. 184 с.
5. *Срничек Н., Уильямс А.* Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда / Пер. с англ. Н. Охотин. М.: Strelka Press, 2019. 336 с.
6. *Фишер М.* Капиталистический реализм / Пер. с англ. Д. Кралечкина. Екатеринбург: Ультракультура 2.0, 2010. 144 с.
7. *Фуко М.* Субъект и власть // *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2006. С. 161–191.
8. *Хайдеггер М.* О существе и понятии *φύσις* // *Васильева Т.В.* Семь встреч с М. Хайдеггером. М.: Издатель Савин С.А., 2004. С. 119–185.
9. *Massumi B.* Parables for the Virtual. Movement, Affect, Sensation. Durham, NC: Duke University Press, 2002. 329 p.

ECHOES OF THE EVENTS

Egor Dorozhkin

Senior lecturer, Department of Philosophy and Aesthetics.
Glinka Nizhny Novgorod Conservatoire.
Piskunova st., 40, Nizhny Novgorod 603005, Russian Federation;
e-mail: egor.dorozhkin.1453@gmail.com

ANTHROPOCENTRISM BETWEEN DEPRESSION AND PSYCHOSIS: AUTONOMY OF AFFECT

The purpose of this article is to problematize the theme of the individual psychoemotional health of a modern person and indicate an alternative interpretation of affect. This problem is investigated not from the point of view of the individual's autonomy, but from a trans-individual perspective, in which modern depression is associated not with the problems of an individual suffering subject, but with the sociocultural situation that produces this subject. The recursiveness of the individual and society ultimately has a structural-semiotic character, mediated by representation. It is suggested that it is the affect that can serve to open up alternative ways in understanding subjective life and building new cultural practices.

Keywords: anthropocentrism, future, subjectivity, individual, structure, affect, depression, psychosis, representation, nature

References

1. Akhutin, A.V. *Ponyatie «priroda» v antichnosti i v Novoe vremya («fysis» i «natura»)* [The Concept of "Nature" in Antiquity and in Modern Times ("fysis" and "nature")]. Moscow: Nauka Publ., 1988. 208 pp. (In Russian)
2. Althusser, L. "Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva" [Ideology and Ideological Apparatuses of the State], *NZ*, 2011, No. 3 (77) [https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/77_nz_3_2011/article/18605/, accessed on 31.10.2021] (In Russian)
3. Fisher, M. *Kapitalisticheskii realizm* [Capitalist Realism], trans. D. Kralachkin. Ekaterinburg: Ultraculture 2.0 Publ., 2010. 144 pp. (In Russian)
4. Foucault, M. "Sub"ekt i vlast'" [Subject and Power], in: M. Foucault, *Intellektualy I vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Selected political articles, speeches and interviews], trans. B.M. Skuratov. Moscow: Praxis Publ., 2006, pp. 161-191. (In Russian)
5. Heidegger, M. "O sushchestve i ponyatii φύσις" [On the Essence and Concept of φύσις], in: T.V. Vasilyeva, *Sem' vstrech s M. Khaideggerom* [Seven Meetings with M. Heidegger]. Moscow: Savin S.A. Publ., 2004, pp. 119-185. (In Russian)

6. Jameson, F. *Postmodernizm, ili kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism], trans. D. Krlechkin. Moscow: Gaidar Institute Publ., 2019. 186 pp. (In Russian)
7. Massumi, B. *Parables for the Virtual. Movement, Affect, Sensation*. Durham, NC: Duke University Press, 2002. 329 pp.
8. Smulyansky, A. *Zhelanie oderzhimogo: nevroz navyazchivosti v lakanovskoi teorii* [Desire of the Possessed: Obsessional Neurosis in Lacanian Theory]. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2016. 184 pp. (In Russian)
9. Smickek, N. & Williams, A. *Izobretaya budushchee: postkapitalizm i mir bez truda* [Inventing the Future: Post-capitalism and the World without Labor], trans. N. Okhotin. Moscow: Strelka Press Publ., 2019. 336 pp. (In Russian)